

Албогачиева М. С.-Г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ МЕЧЕТЕЙ ИНГУШЕТИИ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XXI В.)*

АЛБОГАЧИЕВА Макка Султан-Гиреевна —

д-р ист. наук, зав. Отделом
этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3).
E-mail: albmac@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9746-1820

Аннотация. В статье на основе комплекса опубликованных и архивных источников, материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., полевых этнографических данных и официальных статистических сведений впервые в систематизированном виде прослеживается эволюция архитектурных типов мечетей на исторической территории расселения ингушей. Мы не ставим целью рассмотреть внутреннее убранство и строительные материалы, которые использовались, ограничившись только архитектурным

*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Албогачиева М. С.-Г., 2026

© Ислам в современном мире, 2026

стилем мечетей. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII в. (время появления первых каменных мечетей) по 2025 г. Выделяются три основных этапа: дореволюционный (конец XVIII — начало XX в.), советский (1920–1990 гг., характеризующийся разрывом традиции) и постсоветский (с 1990-х гг. по настоящее время), внутри которого, в свою очередь, различаются две стадии — доминирование турецкого османского стиля (1990–2010-е гг.) и современный синтез с элементами национального башенного зодчества (2010-е — 2025 г.). Доказывается, что ранние мечети развивались в русле «народной горной архитектуры» (плоскокрытые прямоугольные здания, минареты-столбы из необработанного камня, аскетичный декор). В постсоветский период в силу разрыва традиции и внешней финансовой поддержки доминирующим стал турецкий османский стиль (купола, круглые минареты, богатое внутреннее убранство). С 2010-х гг. формируется новая тенденция — синтез исламской культовой архитектуры с элементами ингушского башенного зодчества (минареты-башни, пирамидальные кровли, отсылки к древнему храму Маьт-Сели). Делается вывод о формировании устойчивого регионального архитектурного стиля, способного внести вклад в мировую историю исламского зодчества.

Ключевые слова: Ингушетия, мечеть, исламская архитектура, башенное зодчество, Цей-Лоамский перевал, Маьт-Сели, архитектурный синтез, турецкое влияние, народная архитектура

Для цитирования: Албогачиева М. С.-Г. Эволюция архитектурно-стилистических моделей мечетей Ингушетии (конец XVIII — начало XXI в.) // Ислам в современном мире. 2026. Т. 22. № 2. С. 85–106.
DOI: 10.22311/2074-1529-2026-22-2-85-106

Дата поступления: 05.05.2026

Одобрена после рецензирования: 20.06.2026

Принята в печать: 30.06.2026

Введение

Ингуши — мусульмане-сунниты, проживающие на Северном Кавказе, преимущественно в Республике Ингушетия (столица — г. Магас). Процесс утверждения ислама среди ингушей был длительным и сложным. Согласно точке зрения некоторых ученых, проникновение ислама на территорию современной Ингушетии связано с пребыванием здесь монголо-татар, кочевья и временные стоянки которых размещались на равнинной местности — между рекой Терек и Сунженским хребтом¹. Считается, что исламизации ингушей в XVI–XVII вв. способствовали

¹ Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. С. 216.

и кабардинские феодалы¹. В донесении 1830 г. на имя управляющего военным ведомством А. И. Чернышева отмечалось, что религиозная жизнь населения Северного Кавказа представляла собой эклектичную смесь христианства с местным политеизмом. При этом констатировалось, что знатные ингуши и тагаурские старшины в большинстве своем являлись мусульманами-суннитами, однако религиозные предписания соблюдали достаточно поверхностно². Окончательное и повсеместное утверждение ислама в ингушском обществе произошло в середине XIX в.³. Именно этот период стал временем активного строительства первых каменных мечетей.

Цель настоящей статьи — показать эволюцию архитектурно-стилистических особенностей мечетей Ингушетии в контексте государственной политики, внешних культурных влияний и процессов национального самоосмысления с конца XVIII в. по настоящее время. Мы рассматриваем мечети на исторической территории расселения ингушей (включая как современную Республику Ингушетию, так и территории, ныне входящие в состав других субъектов РФ, где исторически проживали ингуши). Такой подход обусловлен тем, что административно-территориальная принадлежность мест проживания ингушского народа неоднократно менялась на протяжении указанного периода. Более подробно с этой проблематикой можно ознакомиться в работе М. С.-Г. Албогачиевой⁴.

Несмотря на значительное количество мечетей как в горной, так и в равнинной части Ингушетии, вопрос архитектурного стиля, строительства и функционирования мусульманских культовых сооружений в ингушском обществе в дореволюционное, советское и современное время остается недостаточно проработанным. К указанной теме обращались Е. И. Крупнов⁵, В. И. Марковин⁶, М. Б. Мужехоев⁷, Д. Ю. Чахкиев⁸, М. С.-Г. Албогачиева⁹ и др. Однако в этих работах не дан анализ

¹ Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века: пособие для изучающих историю родного края. М.: Мир дому твоему, 2001. С. 39.

² Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 7: [Кавказ и Закавказье за время управления генерала-фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, 1827–1831] / под ред. Ад. Берже. Тифлис, 1878. Т. VII. № 303. Л. 370.

³ Албогачиева М. С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII — начало XXI в.): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2021. С. 60–63.

⁴ Албогачиева М. С.-Г. Демаркация границ Ингушетии // Горы, люди и границы: изобретение и использование традиций в горских сообществах на постсоветском пространстве. СПб.: МАЭ, 2015. С. 168–255.

⁵ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетию. М.: Наука, 1971. 207 с.

⁶ Марковин В. И. В стране вайнахов. Москва: Искусство, 1969. 122 с.

⁷ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.) / ред. С. А. Плетнева. Грозный: ЧИКИ, 1977. 180 с.

⁸ Чахкиев Д. Ю. Древности горной Ингушетии / отв. ред. И. А. Алироев. Минеральные Воды: «Кавказская здравница», 2003. Т. 1. 144 с.

⁹ Албогачиева М. С.-Г. Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 149–160.

мусульманских культовых сооружений в исторической динамике. Для комплексного рассмотрения заявленной темы использованы архивные материалы, официальные статистические сведения, опубликованные литературные источники, материалы периодической печати, полевые этнографические данные автора.

Материалы для настоящей статьи были собраны в ходе полевых этнографических экспедиций, проведенных автором в Джейрахский, Назрановский, Малгобекский и Сунженский районы Республики Ингушетия в 2020–2025 гг. Исследование строилось на сочетании методов включенного наблюдения и формализованного интервьюирования местных жителей (старожилов, старейшин, имамов и последователей различных религиозных братств). В общей сложности была обследована 31 мечеть, расположенные в труднодоступных горных селениях и на равнине. Собранный фактологический материал включает данные о времени постройки культовых зданий, их архитектурной типологии, а также о родовой принадлежности общин и бытовании ислама в ингушском обществе.

Методологическую основу составляют историко-сравнительный анализ, методы историзма, индукции и дедукции, формально-стилистический архитектурный анализ, а также метод включенного наблюдения (при сборе полевых материалов).

Основная часть

На территории проживания ингушского народа сложилась устойчивая традиция возведения мусульманских культовых сооружений двух основных типов: соборных и квартальных мечетей. Соборные мечети (инг. *рузбане мяждиг*) предназначены для совершения коллективной пятничной молитвы. Пятничный намаз, согласно *шарй'ату*, обязателен для мужчин и совершается всей общиной. Квартальные мечети (инг. *джамаат мяждиг*) являются молитвенными домами локального уровня, рассчитанными на жителей определенного квартала или нескольких соседних улиц — в радиусе примерно 40 близлежащих домов¹.

¹ Албогачиева М. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII — начало XXI в.). С. 283.

*Дореволюционный период: формирование
«народной горной архитектуры»
(конец XVIII — начало XX в.)*

Первые каменные мечети на территории Ингушетии в основном появляются во второй половине XIX в. Свидетельством существования мусульманского зодчества на территории Ингушетии во второй половине XIX в. являются сохранившиеся развалины мечетей в горной части республики, в селах Эгикал (рис. 1), Цхаралте, Фалхан, Гершки, Цори (рис. 2), Хамхи, Мецхал, Средний Ляжг¹ и др.

Но в 2023 г. зарегистрирован архитектурный комплекс «Керби» более раннего периода². Как сообщается в акте государственной историко-культурной экспертизы, «выявленный объект — раннемусульманская мечеть, предположительно конца XVIII — начала XIX в., находится на территории архитектурного комплекса “Керби”». Объект

¹ Перечень объектов культурного наследия Ингушетии [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravitelstvori.ru/upload/doc/gornaya_predgornaya.pdf (дата обращения: 21.06.2026).

² Кодзоева М. В горной Ингушетии продолжают работы по выявлению не открытых памятников архитектуры // «Сердало». 2023. 19 июля. С. 2.

Рис. 1. Мечеть XIX в. в селении Эгикал Джейрахского района Ингушетии. Фото З. Гадаборшева. Июль, 2025 г.

Рис. 2. Мечеть XIX в. (?) в селении Цори Джейрахского района Ингушетии. Фото З. Гадаборшева. Июль, 2025 г.

сохранился на высоту три метра, протяженность восточной стены около восьми метров, длина северной стены более 14 метров, на южной стороне имеется выступ с оконным проемом квадратной формы»¹. Этот объект демонстрирует типичные черты раннего культового зодчества региона: массивные стены из грубо обработанного камня, прямоугольную планировку, отсутствие купольного перекрытия.

Проведенные полевые исследования 2020–2025 гг. позволяют утверждать, что ключевой архитектурной характеристикой мечетей горной части Ингушетии XIX в. является отсутствие купола. Купол в ингушской архитектуре не применялся вплоть до XX в. Вместо высоких круглых минаретов строили невысокие каменные столбы (или небольшие башенки) рядом с мечетью или прямо на ее крыше. Часто минаретом служила простая каменная тумба, с которой *муэдзин* читал *а́зāн*. Для строительства использовали грубый местный камень (известняк, сланец). Стены выкладывались из необработанного или слегка

¹ В горной Ингушетии продолжаются мероприятия по выявлению и учету объектов культурного наследия [Электронный ресурс] // URL: <https://zapovednikri.ru/2023/07/19> (дата обращения: 30.05.26).

тесаного камня на глиняном растворе. Здания были массивными, с толстыми стенами, что обеспечивало терморегуляцию в суровых высокогорных условиях.

Внешний вид был очень простым. Мечеть не выделялась из общего ландшафта, а была его органичной частью. Подтверждением этой версии является отреставрированная мечеть в селении Эгикал горной Ингушетии, которая сохранила архитектурный стиль своей эпохи¹.

Важно подчеркнуть, что архитектурный стиль большинства мечетей XIX в. отличается как от более древних каменных построек Ингушетии (башен, языческих святилищ, христианских храмов), так и от современных мечетей. Ключевое отличие этого периода — функциональная простота и аскетичность, продиктованная как канонами ислама, так и ограниченными финансовыми и строительными возможностями того времени².

О достаточно широком бытовании мечетей в ингушском обществе свидетельствуют материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в которых отмечается, что в Сунженском отделе Терской области функционировало 45 мечетей³.

Данные населенных мест Российской империи в 500 и более жителей (1905) позволяют составить подробную картину размещения культовых сооружений. Так, в небольших сельских обществах, таких как Семиогич, Нижние Аршты, Бумут, Датых, Мужичий, Гади-Борш, Кескем, Сагопши, Верхний Ачалук, Нижний Ачалук, Альты-Гамурзиевское, Барсуки, встречается по одной мечети. А в некоторых населенных пунктах их больше. Так, в селениях Пседах — 4 мечети, Средний Ачалук — 2 большие мечети, Гамурзиево — 2 мечети, Насыр-Корт — 1 большая и 3 маленькие, Сурхахи — 1 большая и 3 маленькие, Яндырка — 1 большая и 1 маленькая, Плиево — 1 большая и 2 маленькие, Долкаково — 1 большая и 1 маленькая, Базоркино (современное с. Чермен Республики Северная Осетия — Алания) — 1 большая и 9 маленьких⁴.

Анализ опубликованных материалов и полевые данные автора (2020–2025 гг.) позволяют предположить, что количество квартальных мечетей в Базоркино (9) при одной соборной мечети указывает на высокую степень дробности родовых кварталов (*тейпов*)⁵ в данном населенном

¹ Алоев М. Всем миром // «Сердало». 2021. 24 сентября.

² ПМА-1. С. Эрзи, Джейрахский район Республики Ингушетия. Интервью с М. Харсиевым (58 лет). Август 2025 г.

³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2390.

⁴ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.

⁵ Албогачиева М. С.-Г. Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 199.

Рис. 3. Мечеть в селении Барсуки Назрановского района Ингушетии. Фото автора, 2000 г.

пункте. Анализ архивных и статистических данных свидетельствует, что мечети в Сунженском отделе строились по территориально-родовому принципу, что объясняет наличие большого количества квартальных мечетей даже в селениях со средними размерами населения.

На сегодняшний день из всех вышеперечисленных культовых сооружений, упомянутых в переписи 1897 г. и в справочнике 1905 г., сохранились мечети в селениях Кантышево (1875), Сурхахи (1880), Насыр-Корт (1885), Средние Ачалуки (1896) и др. Здесь же стоит отметить, что на строительство мечетей деньги выделяли не только местные жители, но и меценаты из других мусульманских регионов. Так, мечеть в с. Барсуки (рис. 3), 1901 г., по одной версии, построена на средства перса из Азербайджана Сейт-Али Мухтарова¹,

¹ История мечети в с. п. Барсуки [Электронный ресурс] // URL: <https://magas.bezformata.com/listnews/istoriya-mecheti-v-s-p-barsuki/72610688/> (дата обращения: 12.04.2026).

по другой — азербайджанского миллионера-нефтепромышленника, видного на Кавказе мецената Муртуза Мухтарова. Автор придерживается второй версии, так как М. Мухтаров имел тесные контакты с видными общественными деятелями ингушской национальности. Это подтверждается материалами Мусульманской газеты, издававшейся во Владикавказе, в которой сообщается, что он в 1914 г. пожертвовал 5000 рублей на строительство школы Обществу просвещения ингушского народа¹.

Большинство этих мечетей было утрачено вследствие переселения жителей горной части на равнины, *мухаджирства*, революционных событий 1917 г., депортации 1944 г., а также политики государственного атеизма в советский период².

Советский период: разрыв традиции (1920–1990 гг.)

С установлением советской власти начался период государственной антирелигиозной политики. Однако еще в 1929 г. в Ингушской автономной области, имевшей 75 000 населения, функционировало 146 мечетей. Партийные и комсомольские организации не обладали достаточными ресурсами для проведения эффективной антирелигиозной кампании на местах³.

К концу 1930-х гг. борьба против религии приобрела значительный размах. Была провозглашена «безбожная пятилетка» (1932–1937). В соответствии с этим планом к 1 мая 1937 г. на всей территории страны не должно было остаться ни одного молитвенного дома⁴.

Традиция каменного культового строительства была прервана почти на семь десятилетий. Строители, владевшие техникой возведения культовых сооружений с использованием традиционных приемов кладки, постепенно исчезли, и технология была утрачена⁵.

Депортация ингушского народа в 1944 г. в Казахстан и Среднюю Азию нанесла существенный урон религиозной инфраструктуре: мечети в покинутых селах разрушались или приходили в негодность. Даже после возвращения в 1957 г. массового восстановления культовых сооружений не происходило в силу сохранявшегося

¹ Добриев Ч. Письмо в редакцию // Мусульманская газета. 1914. № 3. С. 3.

² Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 30.

³ Музиев Х. Ингушетия: Очерки. М.: [Б. и.], 1931. С. 12.

⁴ Джабагиев В. Э. Советский Союз и ислам // Наследие: Публицистика по истории, культуре и экономике Кавказа, России, Западной Европы и ислама / сост. И. Г. Алмазов. Назрань: Пилигрим, 2015. С. 185.

⁵ ПМА-2.

идеологического давления¹. Этот разрыв стал причиной того, что после восстановления религиозной свободы в 1990-е гг. архитектурные образцы искали не в местных руинах (которые к тому времени либо исчезли, либо были забыты), а за пределами региона — в Турции, которая воспринималась как носительница «подлинной» исламской архитектурной традиции.

*Постсоветский период:
турецкое османское влияние (1990–2010-е гг.)*

С образованием Республики Ингушетия в 1992 г. начался новый этап активного строительства мечетей. Анализ культовых архитектурных сооружений 1990–2000-х гг. позволяет сделать вывод, что доминирующим архитектурным образцом стал турецкий османский стиль².

Причины этого выбора во многом были обусловлены связями с Турцией, где проживает ингушская диаспора, сформировавшаяся в этой стране с периода Кавказской войны (1817–1864) после массового исхода жителей Кавказа в Турцию³. Получив свободу общения и перемещения, многие нашли своих соплеменников из Турции и других стран, которые стали активно сотрудничать в различных сферах деятельности⁴. Турецкие благотворительные организации предоставляли средства на строительство мечетей и направляли архитекторов и инженеров, так как за предшествующий период были утрачены навыки и не осталось ни своих специалистов, ни проектных традиций в области культового зодчества⁵. Зачастую ингуши в тот период воспринимали турецкий стиль мечетей с куполами и высокими минаретами как «настоящую» исламскую архитектуру в противовес аскетичным дореволюционным постройкам. К числу построек того периода можно отнести центральную мечеть города Малгобек (1989), мечеть сельского поселения Новый Редант (1995), центральную мечеть Назрани (1997 г.) (рис. 4), и др.⁶.

¹ Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С. 26.

² ПМА-3.

³ Ялхароева М. А. Иордания, Ирак, Сирия, Турция // Ингуши / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. М.: Наука, 2013. С. 446–453.

⁴ ПМА-4.

⁵ Роцин М. Ю. Ислам в Ингушетии // Современный Кавказ: геополитические, социально-экономические и религиозные процессы. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 146.

⁶ Мечети Ингушетии: справочник / сост. Л. И. Куссиева; Национальная библиотека Республики Ингушетия им. Дж. Яндиева. Г. п. Сунжа: НБ РИ, 2015. С. 12, 21, 26.

Рис. 4. Соборная мечеть в г. Назрани Республики Ингушетия. Фото автора, 2024 г.

По данным Муфтията Республики Ингушетия на 2015 г. зарегистрировано более 200 мечетей, из которых 71 — соборная (*рузбане мяждиг*), где каждую пятницу совершается коллективный намаз, остальные — квартальные (*джамаат мяждиг*), где жители в радиусе 40 близлежащих домов могут пять раз в день совершать групповую молитву. Квартальные мечети имеются почти во всех населенных пунктах республики, иногда даже по несколько в одном селе, если в нем проживают несколько больших родов (*тейпов*). При этом каждое братство или род считает необходимым построить мечеть, где собираются преимущественно члены одного религиозного братства, хотя присутствие других допускается¹.

¹ Албогачиева М. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институты (XVIII — начало XXI в.). С. 283.

*Современный этап: синтез с национальным
башенным зодчеством (2010-е — 2025 г.)*

С 2010-х гг. под влиянием проектов ингушских архитекторов и общественного запроса на национальную идентичность формируется новый архитектурный стиль, в котором органично сочетается исламская культовая архитектура с элементами средневекового ингушского башенного зодчества. Примером такого синтеза является мечеть на территории международного аэропорта «Магас» им. С. С. Осканова (рис. 5), построенная в 2017 г. Объект выполнен в традиционном исламском стиле с включением региональных элементов. Минареты имеют не круглую, а квадратную в плане форму, стилизованную под ингушские боевые башни. Четыре угловые башни встроены в несущий каркас основного корпуса, увенчаны шпилями с полумесяцами и выполняют как конструктивную, так и символическую функцию. Данное решение отсылает к типологии средневековых башенных комплексов

*Рис. 5. Мечеть в международном аэропорту «Магас» им. С. С. Осканова.
Республики Ингушетия. Фото автора, 2025 г.*

*Рис. 6. Мечеть в ауле Гули Джейрахского района
Ингушетии. Фото З. Гадаборшева, 2025 г.*

горной Ингушетии (Эрзи, Таргим, Вовнушки). Минареты в виде квадратных башен — это не случайный декоративный элемент, а глубоко продуманный композиционный и символический элемент, который превращает мечеть международного аэропорта «Магас» им. С. С. Осканова в уникальный образец синтеза¹.

Тот же стиль сохранен и в мечети (рис. 6), построенной в высокогорном с. Гули Джейрахского района Ингушетии в октябре 2024 г.² Все здание композиционно повторяет стиль упомянутой выше мечети аэропорта «Магас». Мечеть органично вписалась в исторический ландшафт Джейрахского ущелья, где сохранились средневековые башенные комплексы со ступенчато-пирамидальными крышами. Архитектор, работая над этим проектом, создал образ, который сознательно

¹ Балаева Л. В аэропорту «Магас» открыли мечеть // «Ингушетия». 2017. 4 февраля. С. 1.

² Балаева Л. Мечеть по технологии ингушских зодчих построили в высокогорном селе Гули // «Ингушетия». 2017. 20 июня.

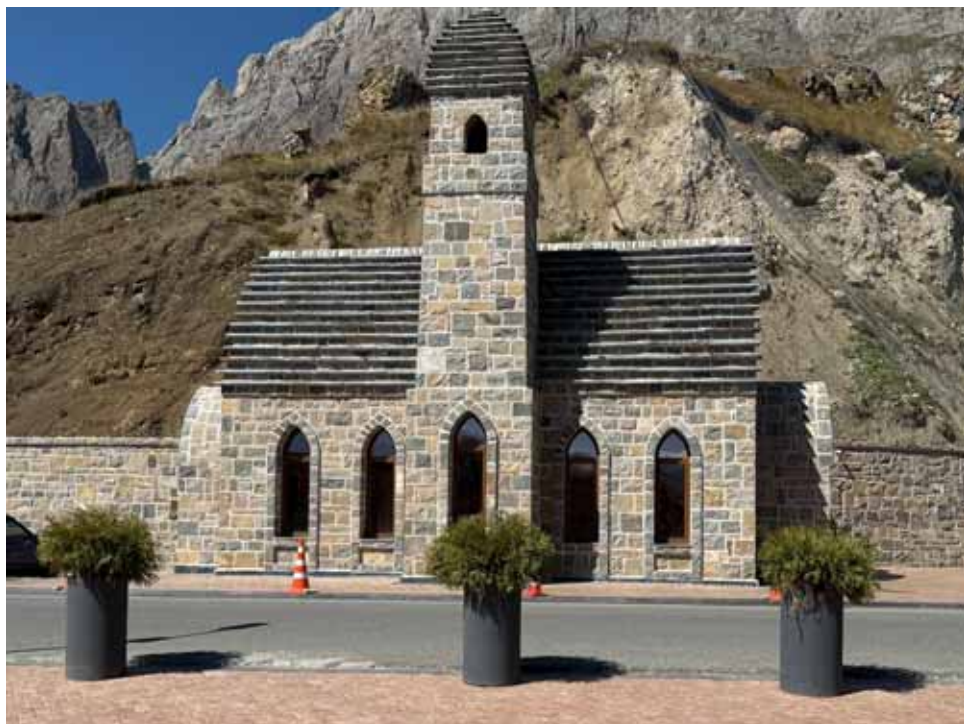

Рис. 7. Мечеть на Цей-Лоамском перевале в Джейрахском районе Республики Ингушетия. Фото автора, август 2025 г.

отказывается от османского купола и минарета-иглы в пользу башенной пластики, органичной для горного ландшафта.

Иного стиля мечеть на Цей-Лоамском перевале (2020-е гг.) (рис. 7), ставшая символом преемственности культурного и исторического наследия ингушского народа. Данный объект является наиболее последовательным воплощением концепции синтеза. Особенность этой мечети заключается в органичном сочетании исламских традиций и древнего ингушского зодчества. Минарет сооружения выполнен в образе знаменитой ингушской боевой башни — одного из символов средневековой архитектуры Ингушетии. Формы основного молитвенного зала воспроизводят пропорции древнего храма «Маьт-Сели» на горе Маьтлоам. Кровля выполнена в пирамидальной форме с покрытием из сланца, что обеспечивает визуальную и конструктивную интеграцию сооружения в горный ландшафт¹.

Отдельное место среди всех мечетей занимает новая соборная мечеть (рис. 8), построенная в столице Ингушетии городе Магасе. Эту мечеть

¹ ПМА-3.

Рис. 8. Мечеть «Сердце Кавказа» в Магасе. Фото автора, август 2025 г.

назвали «Сердце Кавказа», и в ее архитектурном стиле смешались разные традиции мусульманского зодчества¹. Она сочетает величие и мощь башенных архитектурных памятников горной Ингушетии с изяществом и декоративным убранством исламских культовых сооружений. Согласно проекту, площадь застройки мечети составит 11 тыс. м², диаметр главного купола — 50 м, высота четырех минаретов, повторяющих родовые башни, — 64 м.² Такое архитектурное решение в существующих мечетях отсутствует, в этом и будет уникальность и новизна нового культового сооружения, отражающего традиционную культуру ингушей — строителей башен. Проект мечети, предусматривающий минареты в форме башен, был выбран в ходе общественного обсуждения как наиболее соответствующий национальным архитектурным традициям.

В результате проделанной работы соборная мечеть в Магасе своей объемно-пространственной композицией отсылает к композиционным

¹ Ларина А. Строящуюся в Магасе мечеть назвали «Сердце Кавказа» // Российская газета. 2019. 9 марта.

² Албогачиева М. С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII — начало XXI в.). С. 288.

принципам классической османской архитектуры. Архитектурный стиль мечети «Сердце Кавказа» в Магасе можно охарактеризовать как современный синтез классической османской архитектуры с элементами местных северокавказских традиций, где стремление к монументальности сочетается с национальной символикой.

Заключение

Проведенное исследование эволюции архитектурных стилей Ингушетии позволяет отразить, как менялся облик мечетей Ингушетии на протяжении конца XVIII — начала XXI в.

Первый этап (дореволюционный) — «народная горная архитектура». Характерные черты: плоскокрышие каменные мечети, минареты-столбы (5–8 м), функциональный аскетизм, неотличимость от окружающей жилой и оборонительной застройки. Этот этап демонстрирует полную адаптацию исламского культового здания к местным строительным традициям и ландшафту.

Второй этап (советский) — разрыв традиции. Характеризуется разрушением или перепрофилированием культовых сооружений, утратой технологий и мастеров, депортацией населения. Этот период привел к исчезновению преемственности в архитектурном ремесле.

Третий этап (постсоветский) — внутри него выделяются две стадии: (а) 1990–2010-е гг. — доминирование турецкого османского стиля как результат внешнего заимствования при отсутствии собственной архитектурной школы, и с 2010-х гг. по настоящее время — формирование синтеза исламских культовых форм с элементами национального башенного зодчества.

Смена парадигм от аскетичных каменных мечетей к турецким османским образцам 1990–2000-х гг. и затем к современному синтезу обусловлена не только внешними влияниями, но и внутренними факторами: разрывом традиции в советский период, поиском новой идентичности в постсоветское время и, наконец, формированием национального архитектурного самосознания на современном этапе.

Развивающийся в Ингушетии региональный стиль, синтезирующий исламскую каноническую архитектуру с уникальным башенным зодчеством, представляет собой оригинальное явление, которое может быть квалифицировано как локальная архитектурная модель.

Так, если чеченские мечети зачастую ориентируются на османскую стилистику и современные хай-тек-решения (как, например, мечеть «Сердце Матери» в Аргуне), а в дагестанской мечетной архитектуре отчетливо прослеживаются ближневосточные влияния, то ингушская традиция демонстрирует прямую ассоциативную связь с локальным

архитектурным наследием, прежде всего с башенными формами. На этом фоне ингушское зодчество в целом сохраняет более стандартизированный облик, воспроизводящий общерегиональные архитектурные модели.

Таким образом, исследование подтверждает формирование в современной Ингушетии самобытного архитектурного направления, органично соединяющего исламскую духовность с многовековым культурным наследием ингушского народа.

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2390.

Полевые материалы автора (ПМА). 1. Село Эрзи, Джейрахский район Республики Ингушетия. Интервью со старейшиной села М. Харсиевым. 88 лет. Август 2025 г.

ПМА — 2. Село Ляжги, Джейрахский район Республики Ингушетия. Интервью с Р. Цуровым. 68 лет. Июнь 2025 г.

ПМА — 3. Информанты из различных населенных пунктов. 2020–2025 гг.

ПМА — 4. Село Нижний Редант, Малгобекский район Республики Ингушетия. Интервью с Ю. Гандабоевым. 72 года. Август 2024 г.

Литература

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Кавказ и Закавказье за время управления генерала-фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского 1827–1831 / под ред. Ад. Берже. — Тифлис, 1878. [2]. — Т. 7. — № 303. — Л. 370.

Албогачиева М. С.-Г. Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. — Вып. 13. — СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. — С. 198–209.

Албогачиева М. С.-Г. Демаркация границ Ингушетии // Горы, люди и границы: изобретение и использование традиций в горских сообществах на постсоветском пространстве. — СПб.: МАЭ, 2015. — С. 168–255.

Албогачиева М. С.-Г. Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии // Казанское исламоведение. — 2015. — № 1. — С. 149–160.

Албогачиева М. С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институты (XVIII — начало XXI в.): специальность 07.00.07

Этнография, этнология и антропология: дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2021. — 434 с.

Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века: пособие для изучающих историю родного края. — М.: Мир дому твоему, 2001. — 424 с.

Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. — М., 1923. — Кн. 2. — С. 30–52.

Джабагиев В. Э. Советский союз и ислам // Наследие: Публицистика по истории, культуре и экономике Кавказа, России, Западной Европы и ислама / сост. И. Г. Алмазов. — Назрань: Пилигрим, 2015. — С. 178–191.

Добривев Ч. Письмо в редакцию // Мусульманская газета. — Владикавказ, 1914 г. — № 3. — С. 3.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. — М.: Наука, 1971. — 207 с.

Марковин В. И. В стране вайнахов. — М.: Искусство, 1969. — 119 с.

Мечети Ингушетии: справочник / сост.: Л. И. Куссиева; Национальная библиотека Республики Ингушетия им. Дж. Яндиева. — Г. п. Сунжа: НБ РИ, 2015. — 80 с.

Мугуев Х. Ингушетия: Очерки. — М.: [Б. и.], 1931. — 123 с.

Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). — Грозный: ЧИКИ, 1977. — 180 с.

Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. — СПб., 1905. — X, 270, 120 с.

Рощин М. Ю. Ислам в Ингушетии // Современный Кавказ: геополитические, социально-экономические и религиозные процессы. — М.: ИЭА РАН, 2011. — С. 145–158.

Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. — М.: Русская жизнь, 1997. — 250 с.

Чахкиев Д. Ю. Древности горной Ингушетии / отв. ред. И. А. Алироев. — Минеральные Воды: «Кавказская здравница», 2003. — Т. 1. — 144 с.

Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. — 55 с.

Ялхароева М. А. Иордания, Ирак, Сирия, Турция // Ингуши / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьева. — М.: Наука, 2013. — С. 446–453.

Archive Sources

Polevye materialy avtora (PMA). — 1. Selo Erzi, Dzheirakhskii raion Respubliki Ingushetiia. Interv'iu so stareishinoi sela M. Kharsievym. 88 let.

Avghust 2025 g. [Author's Field Materials (AFM). No. 1. Erzi Village, Dzheirakh District, Republic of Ingushetia. Interview with village elder M. Kharsiev. Aged 88. Avghust 2025].

PMA — 2. Selo Liazghi, Dzheirakhskii raion Respubliki Ingushetiia. Interv'iu s R. Tsurovym. 68 let. Iiun' 2025 g. [AFM — No. 2. Liazghi Village, Dzheirakh District, Republic of Ingushetia. Interview with R. Tsurov. Aged 68. Iune 2025].

PMA — 3. Informanty iz razlichnykh naselennykh punktov. 2020–2025 gg. [AFM — No. 3. Informants from various localities. 2020–2025].

PMA — 4. Selo Nizhnii Redant, Malgobekskii raion Respubliki Ingushetiia. Interv'iu s Iu. Gandaloevym. 72 goda. Avghust 2024 g. [AFM — No. 4. Nizhnii Redant Village, Malgobek District, Republic of Ingushetia. Interview with Yu. Gandaloev. Aged 72. Avghust 2024].

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. Fond 1290. Inventory 11. File 2390.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. Kavkaz i Zakavkaz'e za vremia upravleniia generala-fel'dmarshala grafa Ivana Fedorovicha Paskevicha-Erivanskogo 1827–1831 [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. The Caucasus and Transcaucasia during the Administration of General Field Marshal Count Ivan Fedorovich Paskevich-Erivanskii, 1827–1831]. (1878). Ad. Berzhe (ed.). Tiflis. Vol. 7. No. 303. Fol. 370. (In Russian)

Akhmadov Ya. Z. (2001). *Istoriia Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka: posobie dlia izuchaiushchikh istoriiu rodnogo kraia* [The History of Chechnya from Ancient Times to the End of the 18th Century: A Textbook for Students of Local History]. Moscow: Mir domu tvoemu Publ. 424 p. (In Russian)

Albogachieva M. S.-G. (2012). Sistema terminov rodstva i semeino-brachnye otnosheniia u ingushei [The System of Kinship Terms and Family and Marital Relations among the Ingush]. *Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Algebra of Kinship. Kinship. Kinship Systems. Systems of Kinship Terminology]. Iss. 13. St Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN Publ., pp. 198–209. (In Russian)

Albogachieva M. S.-G. (2015). Demarkatsiia granits Ingushetii [The Demarcation of the Borders of Ingushetia]. *Gory, liudi i granitsy: izobretenie i ispol'zovanie traditsii v gorskikh soobshchestvakh na postsovetском prostanstve* [Mountains, People, and Borders: The Invention and Use of Traditions in Mountain Communities of the Post-Soviet Space]. St Petersburg: MAE Publ., pp. 168–255. (In Russian)

Albogachieva M. S.-G. (2015). Ziiaraty i kul'tovye sooruzheniia v Ingushetii [Ziyārats and Sacred Structures in Ingushetia]. *Kazanskoe islam-ovedenie* [Kazan Islamic Review]. No. 1, pp. 149–160. (In Russian)

Albogachieva M. S.-G. (2021). *Islam v sotsial'noi zhizni ingushei: istoriia, praktiki, institutsii (XVIII — nachalo XXI v.)* [Islam in the Social Life of the Ingush: History, Practices, and Institutions (18th–Early 21st Century)]. Doctoral Thesis (in Ethnography, Ethnology, and Anthropology). St Petersburg. 434 p. (In Russian).

Butaev K. (1923). Obshchestvennye techeniia sredi gortsev Severnogo Kavkaza [Social Movements among the Highlanders of the North Caucasus]. *Zhizn' natsional'nostei* [Life of the Nationalities]. Moscow. Book 2, pp. 30–52. (In Russian)

Chakhkiev D. Yu. (2003). *Drevnosti gornoj Ingushetii* [Antiquities of Mountainous Ingushetia]. I. A. Aliroev (ed.-in-chief). Mineralnye Vody: Kavkazskaia zdravitsa Publ. Vol. 1. 144 p. (In Russian)

Dzhabagiev V. E. (2015). Sovetskii soiuz i islam [The Soviet Union and Islam]. *Nasledie: Publitsistika po istorii, kul'ture i ekonomike Kavkaza, Rossii, Zapadnoi Evropy i islama* [Heritage: Essays on the History, Culture, and Economy of the Caucasus, Russia, Western Europe, and Islam]. I. G. Almazov (compil.). Nazran: Pilgrim Publ., pp. 178–191. (In Russian)

Dobriev Ch. (1914). Pis'mo v redaktsiiu [Letter to the Editor]. *Musul'manskaia Gazeta* [Muslim Newspaper]. Vladikavkaz. No. 3, p. 3. (In Russian)

Krupnov E. I. (1971). *Srednevekovaia Ingushetiia* [Medieval Ingushetia]. Moscow: Nauka Publ. 207 p. (In Russian)

Markovin V. I. (1969). *V strane vainakhov* [In the Land of the Vainakhs]. Moscow: Iskusstvo Publ. 119 p. (In Russian)

Mecheti Ingushetii: spravochnik [Mosques of Ingushetia: A Reference Guide]. (2015). L. I. Kussieva (compil.). Dzh. Iandiev National Library of the Republic of Ingushetia. G. p. Sunzha: NB RI Publ. 80 p. (In Russian)

Muguev Kh. (1931). *Ingushetiia: Ocherki* [Ingushetia: Essays]. Moscow: [s. n.]. 123 p. (In Russian)

Muzhukhoev M. B. (1977). *Srednevekovaia material'naia kul'tura gornoj Ingushetii (XIII–XVII vv.)* [The Medieval Material Culture of Mountainous Ingushetia (13th–17th Centuries)]. Groznyi: ChIKI Publ. 180 p. (In Russian)

Naselennye mesta Rossiiskoi imperii v 500 i bolee zhitelei s ukazaniem vsego nalichnogo v nikh naseleniia i chisla zhitelei preobladaiushchikh veroispovedanii, po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniia 1897 g. [Populated Places of the Russian Empire with 500 or More Inhabitants, Indicating Their Total Population and the Number of Adherents of the Predominant Religions, According to the First General Population Census of 1897]. (1905). St Petersburg: [s. n.]. X, 270, 120 p. (In Russian)

Roshchin M. Yu. (2011). *Islam v Ingushetii* [Islam in Ingushetia]. *Sovremennyi Kavkaz: geopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i religioznye*

protsessy [The Contemporary Caucasus: Geopolitical, Socio-Economic, and Religious Processes]. Moscow: IEA RAN Publ., pp. 145–158. (In Russian)

Shamilev A. I. (1963). *Religioznye kul'ty chechentsev i ingushei i puti ikh preodoleniia* [The Religious Cults of the Chechens and Ingush and Ways of Overcoming Them]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 55 p. (In Russian)

Sigauri I. M. (1997). *Ocherki istorii i gosudarstvennogo ustroistva chechentsev s drevneishikh vremen* [Essays on the History and Political Organization of the Chechens from Ancient Times]. Moscow: Russkaia zhizn' Publ. 250 p. (In Russian)

Yalkharoeva M. A. (2013). Iordaniia, Irak, Siriia, Turtsiia [Jordan, Iraq, Syria, Turkey]. *Ingushi* [The Ingush]. M. S.-G. Albogachieva (ed.-in-chief), A. M. Martazanov (ed.-in-chief), L. T. Solovyeva (ed.-in-chief). Moscow: Nauka Publ., pp. 446–453. (In Russian)

History of Islam in Russia

Original article

THE EVOLUTION OF ARCHITECTURAL AND STYLISTIC MODELS OF MOSQUES IN INGUSHETIA (LATE 18TH — EARLY 21ST CENTURY)*

Abstract. The article, for the first time, traces the evolution of the architectural types of mosques in the historical territory of Ingush settlement, based on a range of published and archival sources, the materials of the First General Census of the Russian Empire of 1897, field ethnographic data, and official statistics. The study does not aim to consider the interior decoration and building materials used, limiting the analysis to the architectural styles of the mosques. The chronological scope of the study

*

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
© M.S.-G. Albogachieva, 2026
© Islam in the modern world, 2026

History of Islam in Russia

covers the period from the late 18th century (the time of the appearance of the first stone mosques) to 2025. Three main periods are identified: the prerevolutionary (late 18th — early 20th century), the Soviet (1920–1990), marked by a disruption of tradition, and the post-Soviet (from the 1990s to the present). Within the post-Soviet period, two stages are distinguished: the dominance of the Turkish Ottoman style (1990s–2010s) and the modern synthesis with elements of national tower architecture (2010s–2025). It is demonstrated that early mosques developed within the framework of vernacular mountain architecture, characterized by flat-roofed rectangular buildings, columnar minarets of undressed stone, and ascetic decor. During the post-Soviet period, the Turkish Ottoman style (domes, round minarets, rich interior decoration) became dominant due to the disruption of tradition and external financial support. Since the 2010s, a new tendency has been developing: the synthesis of Islamic religious architecture with elements of Ingush tower architecture (minaret towers, pyramid-shaped roofs, and allusions to the ancient Myat-Seli Temple). The article concludes that a distinct regional architectural style is taking shape, which can contribute to the global history of Islamic architecture.

Keywords: Ingushetia, mosque, Islamic architecture, tower architecture, Tsey-Loam Pass, Myat-Seli, architectural synthesis, Turkish influence, vernacular architecture

For citation: Albogachieva M. S.-G. The Evolution of Architectural and Stylistic Models of Mosques in Ingushetia (Late 18th — Early 21st Century). *Islam in the modern world*. 2026; 22(2):85–106. (In Russ.); DOI: 10.22311/2074-1529-2026-22-2-85-106

Received: 05.05.2026

Review received: 20.06.2026

Accepted: 30.06.2026

Makka S.-G. ALBOGACHIEVA,

Dr. Sci. (Hist.), head, Department of Caucasus,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
(3, University Embankment, 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: albmac@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9746-1820

